

А. И. Соболевский

**Опыт русской
диалектологии**

**Выпуск 1. Наречия
великорусское и белорусское**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. И. Соболевский**
Опыт русской диалектологии: Выпуск 1. Наречия великорусское и белорусское
/ А. И. Соболевский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 114 с.

ISBN 978-5-458-01893-7

ISBN 978-5-458-01893-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Наша задача — указать главные особенности русских говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ ¹⁾, а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всёмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ. Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными.

¹⁾ Мы до сихъ поръ еще не имѣли специалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, провѣдомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами, имъ отлично знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки. Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сыраго матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф. Петебни въ «Филологическихъ Запискахъ» 1865 года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 30 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ вѣснскихъ «*Jahrbücher der Literatur*» 1841 года: «*Mundarten der russischen Sprache*», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Буслаява 1861 г. и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф. Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ» и «Живой Старинѣ»; дѣлѣе, эти матеріалы разбѣяны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ.

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными ¹⁾.

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ Псковской губ.; бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки и Великихъ Лукъ, Псковской губ., но Себежъ, Полодкъ и Суражъ находятся уже въ области этого нарѣчія. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Значительныя части Ржевскаго и Зубцовскаго и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣздовъ (западная часть Тверской губ. ²⁾)

¹⁾ Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черезполосны.

²⁾ «Жители западной половины Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ Тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудъ. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда на правомъ берегу Волги и жители селеній по рѣкамъ Итомгъ (Ржевск. у.) и Кошгъ (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ Бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь» (Преображенскій, Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1854, стр. 78).

Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ правомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлорусцамъ» (Иос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852).

принадлежать бѣлорусскому нарѣчію; сѣверо-западная и южная части Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды—по-великорусски ¹⁾. Далѣе граница идетъ по сѣверо-восточной окраинѣ Черниговской губ.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ. Сѣверо-восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. ²⁾, съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромя юго-западной окраины) ³⁾ принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ. ⁴⁾ и большая часть Земли Войска

¹⁾ «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерніи въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжка Смолен. губ. на 1858 г. стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125).

²⁾ «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-зап. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Ф. и л. В. 1884 г., № 1, стр. 118.—«Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слобожане, поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ... и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII вѣкѣ раскольниковъ». Календарь Черниговской губерніи на 1887 г., стр. 688.

³⁾ «Обитатели (Суджинскаго у.) сіи суть: Малороссіяне—коренные жители, и Русскіе, начавшіе селиться съ 1664 г. (въ числѣ ихъ старообрядцевъ было въ 1826 г. до 1000 человекъ муж. и жен. пола). Между простолыднами, отъ различія жителей въ Судж. у., т. е. Малороссіянъ и Русскихъ, замѣтна немалая разность какъ въ одеждѣ, уборахъ, житѣ, характерѣ народномъ, такъ и въ самыхъ нравахъ и обычаяхъ». Московскій Телеграфъ 1826 г., ч. 39, стр. 256, 262, ст. Дмитрюкова. Около $\frac{1}{10}$ населенія Оболенскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Этногр. Об., V, ст. «Быть крестьянъ Курской губ.», стр. 1).

⁴⁾ «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной—Острожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ сазъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромя хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвницкомъ и Воронежскомъ—Малоруссовъ нѣтъ» (Пам. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ жителя состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половину и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр. 15, 1850 г.). «Въ Богучарскомъ у.

Донскаго ¹⁾—также. Въ восточной половинѣ Харьковской губ. (въ Змиевскомъ, Старобѣльскомъ, Волчанскомъ, Харьковскомъ и Купянскомъ уѣздахъ) есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—кубанцы, потомки запорожцевъ,—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской—великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской ²⁾ и Астраханской) ³⁾, а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

Малоруссовъ болѣе $\frac{2}{3}$, Великоруссовъ менѣе $\frac{1}{3}$ » (Пам. кн. Ворон. г. на 1865—1866 г.).

¹⁾ «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдницы—настоящіе Великоруссы» «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великоруссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великоруссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малоруссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли.» «Бюгда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малоруссовъ и заселяли ими округи Миусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малоруссы получили права «казаконъ» и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близъ Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб. 1853, стр. 23—27).—«Донцы-низовцы, купно съ донецкими... отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курморской станицѣ», стр. 4).

²⁾ «Вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ Межеланскомъ у. и отчасти въ Бугульминскомъ; есть и Малороссы по солевознымъ трактамъ, Илецкому и Эльтонскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю; есть переселенцы изъ всѣхъ окружающихъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Куряне, Туляки, Рязанцы и много другихъ... Поселенцы изъ Тульской и Рязанской губ. въ Самарскомъ и Бузулудскомъ уѣздахъ, живя среди Чувашей и Мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорнѣе въ этомъ отношеніи Малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ Новоузенскомъ уѣздѣ». Варенцовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, Спб. 1862, стр. V—VI.

³⁾ «Элементъ собственно-великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто переимѣшивается съ малороссійскимъ; есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя Малороссами; есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ равное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ». Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣдователей Астрах. края. Астра. 1892, стр. 13.

еще существуютъ въ Вологодской губ.; съ другой стороны—великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія,—мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей ¹⁾).

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, с ѣ в е р н о е и ю ж н о е, о к а ю щ е е и а к а ю щ е е, граница между которыми идетъ сначала внутри Псковской губ. (здѣсь только сѣверо-восточный уголь, въ Порховскомъ у., окаетъ), потомъ внутри Тверской губ., потомъ внутри Московской (здѣсь по границѣ съ Владимирской губ. уже окаютъ); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; далѣе граница идетъ внутри Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ.—акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ) ²⁾).

Приуралье и Сибирь принадлежатъ окающему поднарѣчію, за исключе-

¹⁾ Это—одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статьею Д а л я при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которую надо пользоваться съ большою осторожностію), да янвгою К о л о с о в а: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ отличный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Д а л я (2-ое изд. Спб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областного великорусскаго словаря», Спб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

²⁾ Должно замѣтить, что опредѣлить точную границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьи едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обохъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское поселеніе Саратова въ 40-хъ годахъ ояло (С а р а т. Губ. В ѣ д. 1845 г., № 31—32).

ніемъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ переселеній, увеличивается.

Слѣдуетъ замѣтить, что акающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы, — особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ помногу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности акающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Ярославской и Владимирской губ.

А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g*: *hалка*, *hорохъ*, и неслоговое *ŷ* вмѣсто *v* и *л*: *любоŷ*, *даŷ*, *пиŷ*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или почти полная твердость *r* въ словахъ въ родѣ *бура* (= *буря*).

Общерусскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемыя. Ударяемое *a* общерусскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (*братъ*, *пѣтка*), то болѣе узкій (*ратъ*, *пять*), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *o*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ cadaго древняго (= орографическаго) *a*, *я*.

Ударяемое *e*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (*этотъ*, *шѣсть*), то менѣе, съ приближеніемъ къ *и* (*плеть*, *лечь*), но вполнѣ отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (= орографическаго) *e*, такъ и древняго *ъ*.

Ударяемое *o* звучитъ открыто, ближе къ *a*, чѣмъ къ *y*; оно слышится

на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *e* постоянно въ концѣ словъ (плечó, ещó, твоѡ) и очень часто въ срединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вѣлъ, расплѣтывать, гребѣнка ¹⁾).

Ударяемые *и* и *ы* вполне ясно отличаются другъ отъ друга; они на- ходятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=орео- графическихъ) неударяемыхъ *a* и *o* слышится: 1) въ началѣ и въ концѣ словъ всегда и въ срединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *и* и не шипящихъ) непосредственно передъ удареніемъ—*a*, нѣсколь- ко закрытое, приближающееся къ *o*: аддалá, слóва, мáсла (имен. и род. ед.), питачóкъ, ны дварé, чистакóкъ, зыхатéль (=пятачокъ, на дворѣ, частоколъ, захотѣль); 2) въ срединѣ словъ послѣ *j*, мягкихъ соглас- ныхъ, шипящихъ и *и* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж*, *ш*, *и*) глухой близкій къ *ы*: јиснѣтъ, питóкъ, чисы́, жылéтъ, шыгí (=яснѣтъ, пятокъ, часы, жалѣтъ, шаги), выиснить, скúшыла (=выяснѣтъ, скушала); 3) въ срединѣ словъ во вто- ромъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними *j*, мягкій согласный или *ч*, *щ*,—то *и*: јиравóй, питачóкъ, чисавóй (=яровой, пятакъ, ча- совой), если же передъ ними твердый согласный, *ж*, *ш*, *и*,—то глухой близкій къ *ы*: зыхатéль, сыракóфка, шыпавáль (=захотѣль, сороковка, шаповаль).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *e*, нь всегда, кромѣ конца словъ, звучитъ какъ *и*: пирихóтъ, пирó, визý, јивó (=переходъ, перо, везу, его); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. из. и повел. н.): на бѣриги, на вóзи, бирíти (=на берегъ, на возъ, берите), и 2) какъ открытое *e*, или какъ *a* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: пóле, мóре, или пóля, мóря (=поле, море; часто мы произносимъ имен. поле и род. поля то- жественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *ы* зву- чить какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тождественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ дыра́ и дѣрка, см- нóкъ и сынъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяе- маго; неударяемое *у* не приближается къ *e* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ рѣдко: ѳспыдвиль—исподоволь.

Изъ согласныхъ, губныя *б*, *в*, *п*, *ф*, *м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *бить*, *вязнуть*, *плать*, *сытъ*, *черфь*, *семь*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Губное *ф* не смѣшивается съ *х* или *хв*.

¹⁾ Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Гортанное *г* произносится передъ гласными какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно *h* (господь, государь, бога, благословить).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: бабушка, бабушку.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: дядя, тѣтка.

Группа *ш* звучитъ какъ двойное *ш*: шшюка (= шука).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *ц* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: жэчь, жоць, шоль, цэпъ (= жечь, жегъ, шель, цпль).

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: вижжю, возжши, шшюка, шшядить (= визжу, возжи, шука, шадить). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж*, *ш* звучатъ твердо: жжэчь, шшить (= сжечь, сшить).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *ц* и всегда вполне ясно отличается отъ *ц*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: буракъ, буря; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *ў*: палъ.

Древніе (= орфографическіе) звонкіе (= звучные) согласные *б*, *в*, *з*, *д*, *ж*, *з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соответствующіе глухіе (= отзвучные) *п*, *ф*, *к* (*х*), *т*, *ш*, *с*, твердые и мягкіе: боть, обувъ, дружъ, боць, детъ, ношь, воть (=бобъ, обувъ, дружъ, боць, дѣтъ, ножъ, возъ).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: банка, лафка, вырафство, сасетка, рошки, привѣска (=бабка и т. д.).

Между формами нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *ей* и *ой*: сей; агнѣй, гастѣй, дычирѣй, канѣй; бей, пей; слѣпой, большой, мой (отъ мытъ), крой (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: бѣйти, мѣйти, и наст. врем. мѣю, крою и т. д.).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. ж. р. съ гортаннымъ согласнымъ: ны парогѣ, въ рукѣ, пы сахѣ (=на порогъ, по сохъ).

Формы род.-вин. ед. мнѣ, тибѣ, сибѣ, дат. тибѣ, сибѣ (=тебя, тебѣ...).

Формы род.-вин. ед. прилагательн. и мѣстоименій на *во*, *ова*, *маа*, *ива*: живѣ, слѣпова, дѣбрыва (=его, слѣпого, добраго).

Формы род. и вин. ед. женск. р. на *ѣ*, не на *е*: жиѣ, симаѣ (=ее, самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на *и*, иногда ударяемое: дѣбрыи, большыи, маи (=мои); но фсе, те, ане (=всѣ, тѣ...).

Формы род. мн. муж. р. именъ сущ. мягкаго склоненія на *ей*: *рублеѣ*, *грашей*; послѣ *и*—на *ѣфъ*, *ѣфъ* (=евъ): *купѣфъ*, *мѣсѣцѣфъ*; формы род. мн. женск. р. никогда не имѣютъ окончаній *ѣфъ*, *ѣфъ*.

Формы 3-го л. ед. и мн. на *тъ*: *идѣтъ*, *идутъ* (но *есть*, *вѣсть*), съ сохраненіемъ древнихъ шипящихъ: *пѣчѣтъ* (=печетъ), *жѣжѣтъ*.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявѣт. накл. съ *ѣ* при удареніи: *идѣшь*, *идѣти*, *идѣмъ*, при чемъ ф. 1 л. мн. всегда имѣетъ окончаніе *мъ*.

Формы повелит. накл. 1-го л. мн. *идѣмъ*, *идѣти* и т. п.

Формы неопред. накл. на *тъ* (рѣдко на *тѣ*: *итѣ*, *вѣстѣ*).

Формы возвратнаго залога на *са*, *сѣ*, *ца*: *скажѣса*, *скажѣсѣ*, *скажѣтѣца* (=скажѣся, скажѣсѣя, скажѣтѣся).

Подведемъ итогъ. Нашъ говоръ можетъ быть названъ умѣренно акающимъ. Открытія *а* и *о*, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ удареніемъ; неударяемое *а* (неударяемаго *о* у насъ нѣтъ) произносится нами какъ нѣсколько закрытое *а*, слѣдовательно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и слышится неособенно часто. За то у насъ въ большемъ употребленіи звуки *и*, *ѣ* и глухой близкій къ *ѣ*, произносимые почти безъ двиганья губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу легкихъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его пріятнымъ для слуха; но обиліе *ѣ* и глухаго близкаго къ *ѣ* едва ли можетъ производить на свѣжей и развитой слухъ пріятное впечатлѣніе, и потому, можетъ быть, болѣе правы наши окающіе сѣверяне, которымъ не нравится наша «высокая», какъ они выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по ихъ мнѣнію, «свысока»).

Если мы обратимся къ московскому простонародному и подмосковному говору, то увидимъ, что никакихъ звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ. Главное отличіе его отъ нашего говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ. Московское и подмосковное простонародье употребляетъ всѣ формы и огромное большинство словъ, которыя мы употребляемъ, но сверхъ ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и словъ, которыя намъ хорошо извѣстны, но которыя мы считаемъ вульгарными. Это формы: им.-вин. мн. *маѣ* (= мои), *тваѣ*, род. мн. *рублѣфъ*, *баранкѣфъ* (рядомъ: *баранкѣ*), *дѣнъ*, *сажѣнъ* (= дней, сажень), да *кѣихъ* поръ, изъяв. н. *жгѣтъ*, повелит. н. *палѣшь* (= положи), *палѣшти*, *ни трошь* (= трогай), *слышь*, наст. времени *хошь* (= хочешь); это слова: *пужать*, *пущать*, *жалитца*, *убѣчь* (= убѣжать), *встрѣтца* (= всрѣтиться), *сусѣтъ*, *убѣвиць*, *ѣфтотъ*, *нѣнича*, *тапѣрича*, *дѣвя*, *тѣтѣтка*, *дарма*, *вѣ* (= вотъ), *атгѣдѣва* и т. п. Не безынтересно замѣтить, что часть нынѣшнихъ вульгарныхъ формъ и словъ были въ употребленіи у всѣхъ Москвичей не только XVII в. (напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича), но даже XVIII в.; они встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ литературномъ языкѣ писа-